

ГЕОГРАФИЯ ВЫШКИ

МОСКВА • НИЖНИЙ НОВГОРОД • ПЕРМЬ • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

 ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОКНА РОСТА
АКАДЕМИЧЕСКОГО

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ
БЮЛЛЕТЕНЮ

№ 5 (16), июнь, 2017

Мы продолжаем серию академических рассказов о разных городах мира. Сегодняшний выпуск посвящен Стамбулу и Долгопрудному. О них рассказывают Фуад Алескеров и Кирилл Букин.

СТАМБУЛ

Фуад Алескеров,
руководитель департамента математики
факультета экономических наук НИУ ВШЭ

В то время мы жили в Америке. Я работал в Калифорнийском технологическом институте. Мне было тяжело находиться в 11 000 км от родителей. И хотя все мои друзья говорили, что, находясь в Америке, я родителям помогу больше, чем живя в Москве, я решил вернуться. И когда я приехал в Москву, то нашел у себя на столе конверт с приглашением поехать работать в Стамбул, в Босфорский университет.

В это же самое время в Стамбуле проходила конференция Европейской экономической ассоциации, которая приняла мой доклад. Я сказал жене, что поеду на конференцию, но от работы откажусь. Приехал, и оказалось, что Босфорский университет – это совершенно западный университет, основанный американцами. Он похож на типичный университет восточной Америки, с газонами и проч. Тогда я позвонил жене и сказал: «Приезжай. Захочешь – останемся, не захочешь – уедем». Она приехала, ей понравилось, и мы остались.

Босфорский университет стоит на холме с видом на Босфор. Нам дали большую квартиру прямо там же, на территории университета, а территория – это настоящий парк. Ко мне приезжали коллеги из Москвы, говорили, что я живу как в Переделкино.

В Стамбуле у меня родились двое детей – к вопросу о значимости Босфорского университета в моей жизни, – и мы там оставались до тех пор, пока нашей Сарочке не исполнилось шесть лет.

В те годы в Босфорском университете работала группа очень сильных экономистов – Мурат Сертел, Ахмет Алкан. Там работали преимущественно выпускники американских и израильских вузов. Там царила атмосфера научного поиска. И меня ни в чем не ограничивали: я читал что хотел. За пять лет я прочитал около 15 курсов и осуществил несколько очень разных и очень мощных проектов. Я турецкого языка не знаю, но существует книжка моих лекций на турецком языке. Я прочел политологам курс, и коллеги захотели перевести этот курс на турецкий и издать. Было забавно: читать на турецком я не умею, но они мне читали на турецком вслух, я понимал и говорил, что надо поправить. Вместе с Муратом и Ахметом мы воспитали целую плеяду ребят, которые сегодня сами уже профессора американских и европейских университетов. Вы же понимаете, как наука работает. Должна быть группа лидеров и научные семинары, на которые приходят талантливые студенты, подхватывают идеи, работают, и в этом кипящем кotle делаются научные работы. Потом Мурат, к сожалению, умер. Ахмет перешел в другой университет. А я уехал.

Академическая жизнь в Стамбуле довольно интенсивная. За то время, что мы там жили, образовалось несколько новых университетов, тоже очень сильных. В те годы Стамбул был абсолютно светским городом с мощной интеллектуальной элитой. Она и сейчас, конечно, есть, как и в любом европейском городе. Но сейчас, к сожалению, идет сильный крен в религиозную сторону, и я не считаю, что это хорошо.

Приведу один пример, который когда-то произвел на меня очень сильное впечатление. В середине XV века Стамбул был завоеван турками, и султан выпустил указ о том, чтобы все христианские храмы были сохранены, то есть было понимание цивилизационной значимости этих сооружений. В Кордове в период Реконкисты, когда испанцы отвоевывали у мусульман обратно южную часть Пиренейского полуострова, король издавал указы о сохранении мусульманских построек. Церкви превращали в мечети, а мечети в церкви, это да, но сами храмы не разрушали. Видимо, люди тогда были умнее.

ГОРОДА

В 1920-е годы Ататюрк на обломках Османской империи создал светское государство, в котором широко пропагандировались и культивировались светские ценности. Когда мы с женой только приехали в Стамбул, мы включили телевизор, и там показывали какие-то демонстрации. Оказывается, парламент принял решение об обязательном восьмилетнем образовании: было пять лет, стало восемь. И люди вышли на демонстрацию. Я говорю жене: «Смотри, народ хочет не восемь, а десять лет». Проходит несколько дней, я сажусь в такси, и таксист мне объясняет, как это ужасно, что ввели восьмилетнее образование, потому что дети должны работать, помогать своим семьям. Для меня это было совершенным шоком. Я стал убеждать этого таксиста, что, мол, как же вы не понимаете, что, если бы у вас не было минимального образования, вы бы не могли водить машину, а сегодня техника все более усложняется и т.д. и т.п. Но позже я понял, от чего это идет. Такое отношение обусловлено небольшими доходами населения: работа дает деньги уже сегодня, а образование начнет приносить доходы только через несколько лет.

В сегодняшнем Стамбуле число людей, подчеркивающих свою принадлежность к религии, по сравнению с 2001 годом, когда мы оттуда уехали, существенно выросло. Я ни в коей мере не хочу никому навязывать своего мнения, но мое мнение, что религия и образование все-таки должны быть отделены друг от друга. Религия – это личное дело каждого, а образование – это прежде всего дело социума.

Стамбул очень разнородный город, смесь Европы и Азии. Наверное, так было еще до имперских времен. Мне рассказывали, что слово «Стамбул» означает «в город»: «я пошел в город» – это Istanbul. И в жителях это очень хорошо видно. Во всяком случае, тот круг людей, с которыми я общался, составляли типичные европейские интеллектуалы, каких можно встретить в любом большом городе Европы или Америки: Париже, Лондоне, Нью-Йорке. Такие же умницы, талантливые, яркие. При этом Стамбул – очень сочный город. Он не похож ни на одну европейскую столицу. Не могу сказать, насколько он похож на другие мусульманские столицы, на Каир например, – я не был в других мусульманских столицах. Но на европейские он совсем не похож.

Кроме того, Стамбул такой дисперсный город. Там нет такого четко выделенного центра, как, например, Кремль, от которого город расплзается во все стороны. Город начинал расти вокруг древнего Дворца султанов. Потом образовался другой центр притяжения, и начала развиваться другая часть города. И каждый из этих центров имеет свою окраску. По ним можно гулять часами. Орхан Памук, получивший несколько лет назад Нобелевскую премию, очень хорошо передал в некоторых своих книгах дух и аромат старого Стамбула.

Самое концентрированное место Стамбула – это Старый город. Там находится Дворец султанов, знаменитый собор Святой Софии, построенный еще императором Юстинианом. Когда он его построил, он сказал: «Я превзошел тебя, Соломон», – имея в виду первый храм в Иерусалиме. Вдоль Босфора пролегает набережная, по которой можно гулять. Там есть чудный музей техники, картинная галерея. Конечно же, старый рынок, существующий еще с византийских времен. Я как-то пошутил, что на этом рынке

есть все, что надо, а если нет, то, значит, не очень надо. Там действительно много интересных вещей, начиная от антиквариата и заканчивая детскими игрушками. Но я много раз туда ходил не с целью что-то купить, а чтобы прочувствовать атмосферу этого рынка. У меня с этим рынком связаны две интересные истории. Ко мне приехал мой друг из Финляндии, он хотел купить небольшой коврик, и я его привел туда. Через пять минут появился человек, который начал разговаривать с ним на финском; финский – это не английский или французский, это все-таки достаточно редкий язык. Сам я в коврах совершенно не разбираюсь. И вот турки начали раскладывать перед моим другом ковры – не коврики, а ковры. И он в конце концов купил ковер за три тысячи долларов.

И вторая история. Идут по рынку китайцы, тоже чем-то интересуются. Останавливаются, пытаются объясниться на плохом английском. Буквально через тридцать секунд перед ними вырастает местный парень и начинает с ними разговаривать на китайском. Не знаю, может, если бы человек приехал с каких-нибудь островов Полинезии, ему и не нашли бы толмача, но, по-моему, там на всех языках разговаривают, и всегда есть кто-то, кто может обслужить туриста по высшему разряду.

Когда я приезжаю в Стамбул, то обычно бываю в Бебеке, гуляю по улочкам в районе Новой мечети. Это настоящий старый Стамбул, где жизнь кипит. Проходя мимо этой мечети, я все время удивлялся, почему ее называют Новой, ведь она как-то не выглядит новой. И оказалось, что она построена в 1665 году. Просто, видимо, в те годы она была новая, и ее так назвали. С тех пор 400 лет прошло, а она все еще Новая мечеть.

Если говорить о любимых ресторанах, то в районе площади Таксим есть улица Истеклаль (улица Независимости), которая ведет к Рыбному базару. Это историческое место. Оно существует с каких-то незапамятных времен. И на территории этого Рыбного базара есть ресторан «Дегустасьон», который я всем своим друзьям и знакомым рекомендую. Там потрясающе готовят рыбу, особенно барабульку. Это фантастическое угощение.

В стамбульской квартире у меня был кабинет с видом на Босфор и противоположную часть Стамбула. Вечером можно былоозвращаться домой из университета короткой дорогой, но я иногда шел чуть более длинной, чтобы лишний раз полюбоваться этим видом. Это что-то поразительное. Поверьте мне, я много путешествовал. Был и в Южной Америке, и в Северной, и в Канаде, и в Китае. Но это одно из красивейших мест в мире, в котором мне довелось побывать.

ДОЛГОПРУДНЫЙ

Кирилл Букин, доцент департамента теоретической экономики факультета экономических наук НИУ ВШЭ

В моей жизни Долгопрудный играет особую роль, потому что там находится Московский физико-технический институт, студентом которого я был целых шесть лет. Я поступил на первый курс в 1971 году и закончил там учиться в 1977-м. После аспирантуры

в 1980 году я получил ставку ассистента на кафедре высшей математики. В 1999 году я в последний раз поучаствовал в экзаменационной сессии как преподаватель, а потом расстался с коллегами, с кафедрой и городом.

Вновь с Физтехом я стал сотрудничать, уже будучи доцентом Высшей школы экономики. В то время в Физтехе была образована кафедра, на которую для чтения курсов микро- и макроэкономики были приглашены преподаватели факультета экономики нашего университета. В течение нескольких лет я ездил туда и читал лекции по макроэкономике. Но потом эти еженедельные поездки стали меня утомлять. В конечном итоге я прекратил там преподавать, решил дать дорогу молодым преподавателям. Так что в последний раз я там был в 2014 году.

Московский физико-технический институт был открыт в Долгопрудном в 1951 году, в сталинскую эру, в эру работы над атомным и водородным оружием, развития космической науки и т.д. Это были приоритетные направления в физике и технике, для развития которых государству нужны были специалисты. Для этого требовалось создать новое учебное заведение. Так появился Физтех. Поскольку Физтех выпускал специалистов для работы в различных областях, связанных, в частности, с обороной страны, изначально было принято решение о его размещении в некотором отдалении от Москвы. Вуз стал фактически областным, потому что, когда в 1962 году была построена Московская кольцевая автодорога, она прошла южнее городской черты Долгопрудного, тем самым отделив его от Москвы. Я не знаю, кто принимал решение о выборе места расположения Физтеха. Может быть, даже лично Иосиф Виссарионович распорядился вынести его за черту города.

Физтех существовал и до этого. Сначала это был один из факультетов МГУ наряду с физфаком. Понятно, что в рамках МГУ два факультета с очень близкой тематикой ужиться не смогли, поэтому он был выведен в Долгопрудный в 1951 году.

У Физтеха была своя особенность, ноу-хай. Там появились так называемые базовые кафедры при научных подразделениях, институтах Академии наук, отраслевых НИИ. Распределение студентов по базовым кафедрам проходило в конце второго курса. Физтех был на особом положении. Например, туда могли посту-

пить только граждане СССР в возрасте до 25 лет, в то время как во все остальные вузы СССР – до 35 лет. Также там студентам выплачивалась повышенная стипендия. В то время это имело большое значение. Когда я стал аспирантом Физтеха в конце 1970-х годов, моя стипендия составляла 130 рублей. Если бы я поступил в аспирантуру Академии наук, то там бы получал 80 рублей. Огромная разница. Сейчас все аспиранты поголовно работают, работа отнимает у них львиную долю времени, что приводит к задержкам в научной работе, в написании диссертации, опубликовании статей. В советское время, когда ты имел зарплату 130 рублей, никакие подработки были уже не нужны.

Поступление мое было в какой-то степени случайным. В своем физматклассе я был единственным, кто пошел поступать в Физтех. Остальные поступали либо в технические вузы более низкого уровня, либо в МГУ. Почему-то я посчитал, что заниматься математикой будет скучно и неинтересно и нужно заниматься физикой или техникой.

Добираться из дома в Москве до Физтеха в Долгопрудном в то время было довольно сложно, потому что еще не была построена ветка метро, которая идет с юга на север. Тогда я жил на Мытной улице, и мне приходилось добираться до Новослободской, садиться на 5-й автобус и ехать до Савеловского вокзала. Это было настоящее путешествие.

Когда же я поступил в Физтех, мне предоставили место в общежитии. Общежитие было построено в 1950-е годы на улице Первомайская, центральной улице Долгопрудного. Она проходит через весь город параллельно Савеловской железной дороге. Так что я не просто учился в Долгопрудном, я даже жил в Долгопрудном полных два года, так как в общежитии могли жить студенты-москвичи, обучавшиеся на первом и втором курсах.

В конце второго курса мне нужно было выбрать базовую кафедру. Мой выбор пал на кафедру при Институте проблем управления. Я там слушал лекции каждый четверг. Учебный процесс в Физтехе был организован таким образом, что у нас был свободный день для самостоятельных занятий, но при этом программа была настолько насыщенная, что у нас пары заканчивались в 18:30 и даже в 20:00 практически каждый день.

Долгопрудный – это очень специфический город. В чем его специфика? Он так называется, потому что там вдоль Дмитровского шоссе находятся так называемые Долгие пруды. Там же находится старинная усадьба XVIII века Виноградово с красивой церковью в стиле ампир. Но поначалу там не было города с таким названием. На его месте был поселок Дирижабльстрой, который так назывался потому, что в 1930-е годы все технически продвинутые экономики увлекались строительством дирижаблей. Это увлечение очень быстро сошло на нет в конце 1930-х годов, но остались здания, построенные под проектный институт, которые впоследствии, после войны, отошли Физтеху. Также рядом проходит канал им. Москвы. По слухам, там располагался лагерь с заключенными, которые вручную копали этот канал.

В начале 2000-х годов в Долгопрудном началось массовое жилищное строительство, и город преобразился. До этого там практически ничего не строили, потому что добираться оттуда

до Москвы было довольно затруднительно. Но близость к Москве сказалась на привлекательности Долгопрудного для застройщиков. Сейчас там очень много новостроек. Однако есть и потери. Рядом с общежитием, в котором я жил на первом курсе, было историческое здание. В 1934 году была организована экспедиция стратонавтов, которые поднялись на высоту 22 км. К сожалению, они все погибли при спуске. Так вот оказалось, что они жили как раз в этом доме рядом с общежитием. Это был дом постройки начала 1930-х годов, конструктивистский дом, который потом был снесен. Я этот момент не застал, потому что уже уволился из Физтеха.

Город ничем не знаменит, если не считать, что там есть производства, связанные с машиностроением. Что там можно посмотреть? Есть центральная улица Первомайская. Она застроена пятиэтажными домами. Она мне запомнилась еще тем, что в советский период по ней проходили демонстрации 1 Мая и 7 Ноября. Пожалуй, и все. Пока я был студентом, мое знание Долгопрудного ограничивалось участком 3 на 2 км, в котором располагалась Первомайская улица, Физтех, ближайшие магазины и железнодорожная станция Новодачная.

Как-то раз я был в командировке в Соединенных Штатах и по-встречал там выпускника Физтеха, который был моложе меня лет на 10. Там он устроился на работу, но совсем не по специальности. Мы были в компании русских людей, которые туда эмигрировали в 1990-х. Одна из женщин подняла тост за родину, а он сказал: «Ну какая моя родина, я же в Долгопрудном вырос». Этот самый выпускник Физтеха в свое время как раз жил в одной из этих пятиэтажек, т.е. был коренным жителем Долгопрудного. Для меня это обидно прозвучало. Ведь он получил хорошее образование, благодаря которому смог устроиться на работу, пусть и не по специальности. Я слышал, что в Нью-Йорке живут и работают чуть ли не 300 выпускников Физтеха разных лет выпуска.

Жители Долгопрудного гордятся тем, что у них есть такое учебное заведение, которое по-прежнему занимает высокие места в рейтингах. Хотя, возможно, уровень образования несколько снизился. Когда я повторно стал там работать в 2007 году, читал курс макроэкономики, мне показалось, что уровень студентов стал ниже, чем был в 70-е, 80-е и 90-е. Я это заметил, принимая у них устный экзамен. В Физтехе по традиции экзамен состоит из двух частей – письменной контрольной работы и устного экзамена. Соответственно, студенты рассчитывают на устном экзамене повысить свою оценку за контрольную. Но в ходе устного экзамена часто выясняется, что их реальный уровень подготовки не стоит той оценки, на которую они рассчитывают.

У Физтеха есть базовая школа номер пять, в которой занятия проводили преподаватели института. Например, после семинаров в Физтехе можно было пройти до школы 15 минут и еще провести там урок. Когда Сорос в 1994 году объявил свою программу поддержки учителей средней школы, я стал одним из соросовских учителей. Некоторые из выпускников этой школы достигли выдающихся результатов в науке.

Можно ли почувствовать разницу, общаясь с москвичами и горожанами, которые не обязательно родились в Долгопрудном, но живут в нем много лет? Если этот текст прочитают жители Долгопрудного, то, наверное, обидятся, но в их поведении, характере, культурном облике ощущается некоторая провинциальность. Раньше, конечно, это было заметнее, потому что тогда жители Долгопрудного работали в своем городе и редко его покидали. Это уже в постсоветский период начались ежедневные миграции: люди из Долгопрудного работали в Москве и возвращались в свой спальный городок. Сейчас я думаю, что коренных жителей Долгопрудного в процентном отношении стало очень мало. Построены огромные комплексы домов, которые обрамляют Долгопрудный, его скромную пятиэтажную застройку. Это считается престижным местом, потому что рядом затоны канала имени Москвы, и при желании можно завести какое-нибудь плавсредство и пользоваться им в теплое время года.

Если брать техническую интеллигенцию, проживавшую в Долгопрудном, то я думаю, что у многих была мечта отдать своих детей в Физтех. Конечно, не всякий даже сильный школьник мог бы потянуть учебу в Физтехе. В 1994 году все выпускники того класса, где я преподавал алгебру и начала анализа, поступили в высшие учебные заведения, но в Физтехе из 30 школьников поступили трое или четверо. Остальные пошли в хорошие московские технические вузы типа МАИ или МГТУ им. Баумана. Ведь все-таки это еще была эпоха вступительных экзаменов, а в Физтехе вступительных экзаменов было много. Там была своя специфика, нужно было сдать два экзамена по физике – письменный и устный, столько же по математике, еще написать сочинение, которое по причине отсутствия кафедры русского языка и при наличии кафедры английского языка проверялось «англичанками». Сейчас довольно много абитуриентов поступает по физтеховской олимпиаде. У меня возникает такое подозрение, что те довольно слабые студенты, которых я видел на экзаменах в последние годы, скорее всего, могли быть зачислены по результатам олимпиады. Мы понимаем, что, когда олимпиада проводится в вузе много-много лет подряд, возникает некий пул репетиторов, которые натаскивают на олимпиаду. Таким образом, их подопечные легко проходят по олимпиаде, но при этом у них нет необходимых глубоких знаний и способностей к учебе в серьезном вузе.

Долгопрудный – это в каком-то смысле приложение к Физтеху. Когда я уже был преподавателем Физтеха, меня пригласили в оргкомитет Всероссийской олимпиады по математике. Это был очень хороший опыт, потому что, во-первых, составление задач – это творческая работа. К тому же появилась возможность ездить по стране. В этот период с 1982 по 1989 год я довольно много посмотрел. Был в Пскове, был на Северном Кавказе. Собственно, так я познакомился со своей супругой. Это произошло в Ульяновске, там проходили заключительные этапы Всероссийской олимпиады по физике и математике. Понятно, что когда ты побывал в других российских городах, то на их фоне Долгопрудный проигрывает. Поэтому именно Физтех – его основная достопримечательность.